

УДК 1(091)

Е.В. Борисов

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕСКРИПЦИЙ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00078-а.

В статье эксплицирована феноменальная специфика референциального употребления определенных дескрипций и осуществлен сравнительный анализ прагматического и семантического подхода к объяснению данного феномена. Семантический подход рассмотрен на примере теорий Г. Ветштейна и Д. Каплан – Ж. Марти (в первой референциально употребленные определенные дескрипции уподобляются демонстративам, во второй – собственным именам). Показано, что обе указанные теории принимают допущения, которые с прагматической точки зрения избыточны. Поэтому прагматический подход (при прочих равных условиях) предпочтителен как более экономичный.

Ключевые слова: *определенная дескрипция, референциальное и атрибутивное употребление, семантика, прагматика, демонстратив, собственное имя.*

Проблема объяснения феномена референциального употребления определенных дескрипций, как ее сформулировал К. Доннелан [1], породила обширную литературу. Один из наиболее дискуссионных пунктов данной проблемы – это контроверза семантического и прагматического объяснения указанного феномена. Этот пункт является предметом рассмотрения в данной работе. Я не ставлю перед собой цели детального обсуждения и решения указанной контроверзы; я ограничусь только сопоставлением данных подходов по основанию экономичности, т.е. количества принимаемых допущений. Мой тезис – который, в силу краткости данной работы, может иметь только характер гипотезы – состоит в том, что семантический подход базируется на допущениях, которых прагматический подход избегает, поэтому – при прочих равных условиях – прагматический подход методологически предпочтителен.

Работа имеет следующую структуру: в первой части я описываю феномен референциальности применительно к определенным дескрипциям; во второй определяю специфику прагматического и семантического объяснений данного феномена и показываю допущения семантического подхода на примере теорий Г. Ветштейна и Д. Каплана – Ж. Марти.

1. Феноменальная специфика референциального употребления определенных дескрипций

В классической работе 1966 г. «Reference and Definite Descriptions» [1] Доннелан различает два способа употребления определенных дескрипций в речевых актах: атрибутивный и референциальный. Вслед за Доннеланом и большинством современных авторов я принимаю следующие допущения: 1) семантика определенных дескрипций при атрибутивном употреблении

адекватно описана теорией Рассела [2]; 2) феноменальная специфика референциального употребления делает возможными альтернативные семантические объяснения и, таким образом, если не опровергает теорию Рассела, то ставит ее под вопрос¹. В данном разделе статьи будут представлены феноменальные данные, иллюстрирующие специфику референциальности применительно к определенным дескрипциям.

Вот один из многочисленных примеров, которыми Доннелан иллюстрирует дистинкцию атрибутивного и референциального употребления определенных дескрипций [4. P. 214]. Вообразим две игры в дескрипции: 1) в одном случае я выбираю в комнате объект и даю ему индивидуализирующее (соответствующее только этому объекту) описание, по которому другие участники игры должны его найти, т.е. понять, какой объект я имею в виду; 2) во втором случае я – не имея в виду какого-либо конкретного объекта – сочиняю дескрипцию, а другие участники игры должны найти в комнате (или, допустим, в мире) соответствующий ей объект. Игра первого вида иллюстрирует референциальное употребление дескрипций, игра второго вида – атрибутивное, поэтому я буду называть эти игры референциальной и атрибутивной.

Главное различие между этими способами использования дескрипций таково: при референциальном употреблении дескрипции объект, который агент описывает, дан агенту независимым от описания образом; при атрибутивном употреблении объект дан только посредством дескрипции. Например, в игре первого вида я вижу книгу, лежащую на столе, и даю ей дескрипцию «книга, лежащая на столе»: в этом случае визуальная данность объекта предшествует составлению дескрипции; я сочиняю дескрипцию для того, чтобы указать партнерам по игре на объект, который я идентифицирую независимым образом – посредством визуального восприятия. Соответственно, для указания на этот объект я мог бы использовать и любую иную индивидуализирующую дескрипцию («самая толстая книга в этой комнате», «предмет, находящийся между настольной лампой и чашкой с чаем» и т.п.): выбор конкретной дескрипции оказывается в значительной мере случайным. При атрибутивном же употреблении дескрипции предмет дан агенту *только* как соответствующий ей объект, т.е. не дан никаким иным образом.

В первом случае я сначала идентифицировал объект визуально и лишь затем дал партнерам дескрипцию для того, чтобы они нашли *именно этот* объект; во втором случае я не знаю, каким окажется объект, соответствующий выдуманной мною дескрипции (если таковой существует). В игре второго типа я мог бы сочинить дескрипцию «младенец, родившийся первым в 2014²». При определенных эпистемологических допущениях (возможность точной фиксации момента рождения и т.п.) ей соответствует строго один индивид, но я не могу идентифицировать его каким-либо альтернативным способом: его единственный известный мне идентифицирующий признак содержится в данной дескрипции.

¹ Систематические исследования референциального употребления определенных дескрипций были инициированы Доннеланом, однако некоторые аспекты данной темы тематизировались и ранее; см., например, [3].

² Модифицированный пример Д. Каплана [5. P. 560].

Эту дистинкцию удачно иллюстрируют два сказочных способа поиска невесты: способы, использованные принцем в «Золушке» и Иваном Царевичем в «Царевне лягушке».

1. Принц дал своим посыльным дескрипцию «девушка, которой придется в пору (вот эта) хрустальная туфелька», чтобы они нашли Золушку – девушку, с которой он уже был знаком. Соответственно, он мог использовать и какую-либо иную дескрипцию («красавица, с которой я танцевал на таком-то балу», «дама, поразившая всех своей красотой и обходительностью на таком-то балу» и т.п.). Словом, принц уже знал, кого ищет, и если бы ему привезли не Золушку (допустим, хрустальная туфелька пришла бы в пору другой девушке), он сказал бы: это не она! Давая поручение своим посыльным, он играл в референциальную игру в дескрипции.

2. Когда пришла пора жениться Ивану-царевичу и двум его братьям, отец велел им пустить стрелы в произвольных направлениях и жениться на тех существах, которые эти стрелы подберут. Как мы помним, стрела Ивана попала на болото, где ее подняла лягушка, и – при всей неожиданности такого поворота событий – Ивану пришлось взять ее в жены, поскольку она (и только она) соответствовала использованной царем дескрипции. В данном случае дескрипция «то существо, которое поднимет стрелу» была единственным средством идентификации объекта, поэтому Иван, увидев лягушку с его стрелой, не мог сказать «это не она!». В этом случае дескрипция была употреблена атрибутивно: царь и царевичи играли в атрибутивную игру в дескрипции.

Итак, различие между референциальным и атрибутивным употреблением определенной дескрипции в том или ином речевом акте сводится (соответственно) к наличию или отсутствию независимой идентификации объекта агентом.

Это обуславливает еще один специфический для референциального употребления дескрипций феномен: возможность коммуникативно *успешной* референции к некоторому объекту посредством *неверной* дескрипции. Вернемся к примеру с дескрипцией «книга, лежащая на столе», использованной при игре в дескрипции первого типа. Допустим, что я ошибочно принял за книгу сувенир в форме книги. В этом случае употребленная мною дескрипция по отношению к объекту, который я имею в виду, неверна. Для полноты картины мы можем допустить, что на единственном в этой комнате столе лежит ровно одна книга, но я ее не заметил (она закрыта широким журналом). Таким образом, моя дескрипция применима только к данной книге, но не применима к объекту, который я имею в виду – сувениру в форме книги. Тем не менее мои партнеры по игре должны найти именно тот объект, который я имею в виду, т.е. сувенир, и если они предположат, что это книга (та, что лежит под журналом), я справедливо отвечу, что они не угадали. (Хотя, конечно, когда я получу более точные сведения о предмете, который я загадал, мне придется принять упрек в том, что я употребил ошибочную дескрипцию и направил партнеров по ложному следу.) Итак, денотат – объект, соответствующий дескрипции, – может не совпадать с референтом (подразумеваемым объектом) и может отсутствовать. Однако в обоих случаях референция может оказаться успешной в коммуникативном аспекте: собеседник агента может понять, какой объект тот подразумевает, употребляя неверную дескрипцию.

Еще раз вспомним пример с книгой и сувениром в форме книги. Если мой гость при референциальной игре в дескрипции говорит «книга, лежащая на столе», если при этом я знаю, что лежащая на столе книга моему гостю не видна и что ему виден сувенир, имеющий форму книги, то я, конечно, догадаюсь, что мой гость имеет в виду именно сувенир. И если он скажет «книга, лежащая на столе, имеет внушительные размеры», я правильно пойму, о каком предмете идет речь и какое свойство мой гость этому предмету приписывает, т.е. правильно пойму, какую пропозицию он хочет мне сообщить. Здесь мы имеем коммуникативный успех при использовании неверной дескрипции.

Подведем итог. Феноменальная специфика речевых актов, в которых определенные дескрипции употребляются референциально, состоит в следующем:

1) референт дескрипции фиксируется говорящим независимо от ее предикативного содержания;

2) это делает возможным коммуникативный успех референции (успех указания собеседнику на объект, о котором пойдет речь) посредством неверной дескрипции.

2. Семантический и прагматический подходы к феномену референциальности

Семантическое объяснение феномена референциальности применительно к определенным дескрипциям рассматривает последние в качестве омонимичных. Тезис семантического объяснения состоит в том, что конвенциональные правила употребления определенных дескрипций задают для каждой из них два значения, выбор между которыми определяется контекстуальными факторами; назовем их атрибутивным и референциальным значениями. Атрибутивное значение позволяет посредством дескрипции указывать на денотат (когда он существует); референциальное – на референт.

С точки зрения *прагматического* подхода при интерпретации предложений, содержащих определенные дескрипции, необходимо различать их буквальный смысл, или выраженную пропозицию, и дополнительный смысл, или сообщенную пропозицию. Выраженная пропозиция определяется только семантическими правилами языка, на котором осуществляется речевой акт; определяя выраженную пропозицию, мы осуществляем семантическую интерпретацию предложения. Сообщенная пропозиция определяется особенностями ситуации, в которой осуществляется речевой акт. Например, если при ограблении банка грабитель говорит своему сообщнику «копы близко», это может означать «пора делать ноги». Здесь для того, чтобы установить сообщенную пропозицию («пора убежать»), недостаточно знать русский язык с его семантическими правилами: необходимо знать ситуацию речевого акта, положение собеседников в этой ситуации и т.п. Расхождение между выраженной и сообщенной пропозициями имеет место в случаях намека («кое-кто разбил кувшин» в смысле «Слоненок разбил кувшин»), косвенной просьбы («здесь душно» в смысле «откройте, пожалуйста, окно») и т.п. Прагматическое объяснение интересующего нас феномена включает в себя два тезиса:

1. Определенная дескрипция семантически однозначна, и ее значение таково, что она может указывать только на денотат. Поэтому когда –

в приведенном выше примере – мой гость говорит «Книга, лежащая на столе, изрядно толста», буквальный смысл данного предложения (выраженная пропозиция) приписывает изрядную толщину книге, скрытой от его взгляда журналом.

2. Однако ситуация, в которой осуществляется его речевой акт (я знаю, что он видит сувенир и не видит книгу на столе), позволяет мне понять не только то, что говорят его слова в свете семантических правил русского языка, но и то, что хочет сказать он сам: что изрядную толщину имеет данный сувенир (хотя мой гость ошибочно принимает его за книгу).

Изложенное прагматическое объяснение феномена референциальности было предложено С. Крипке в классической для данной темы работе [6] (оттуда же взят пример с ограблением банка).

Теперь я хочу представить два варианта семантического объяснения референциального употребления дескрипций и показать, что оба принимают допущения, которые делают их более расточительными, чем прагматическое объяснение.

1. *Уподобление определенных дескрипций демонстративам.* Г. Ветстейн [7, 8] интерпретирует определенные дескрипции в референциальной функции как разновидность демонстратива – индексикального выражения, сопровождаемого демонстрацией (указанием посредством жеста и т. п.). Таким образом, Ветстейн относит референциально употребляемые определенные дескрипции¹ к той же семантической категории, что и выражения типа «вот этот господин», «тот автомобиль» и т.п. Иначе говоря, референциальное употребление дескрипции всегда сопровождается указанием на подразумеваемый объект. Как и в случае стандартных демонстративов, таких как «этот» и «тот», указание может иметь различный характер – от прямого указательного жеста до всевозможных контекстуальных факторов, показывающих слушателю, что говорящий применяет определенную дескрипцию к независимо фиксированному объекту, и помогающих слушателю этот объект – опять же независимым образом – идентифицировать. Например, если на столе перед собеседниками лежат несколько книг, то мое употребление дескрипции «книга, лежащая на столе» будет референциальным, если я указываю на подразумеваемую книгу взглядом, рукой или как-либо еще – или если функцию указания выполняют какие-либо контекстуальные факторы.

В другом месте [9] я предложил детальную критику этой концепции; сейчас я ограничусь указанием на ее неэкономичный характер. В рамках данной концепции семантическая трансмутация предполагает допущение (на мой взгляд, контринтуитивное), согласно которому предикат F может иметь значение «F, на которого указывает говорящий» (подобно тому как слово «тот» означает «объект, на который указывает говорящий»). Например, предикат «книга» может – помимо стандартного значения – иметь значение «книга, на которую указывает

¹ В рамках любой теории, трактующей дистинкцию Доннелана как семантическую, в том числе и в рамках теории Ветстейна, термин «референциально употребленная определенная дескрипция» равнозначен термину «определенная дескрипция в референциальном значении». Конечно, в рамках прагматической интерпретации дистинкции Доннелана эти термины не равнозначны.

говорящий». Представленная выше (крипкеанская) прагматическая трактовка дистрикции Доннелана делает это допущение избыточным.

2. *Уподобление определенных дескрипций собственным именам.* В своей классической работе «Demonstratives» Д. Каплан намечает возможность интерпретации референциально употребленных дескрипций в качестве своего рода собственных имен [5. Р. 560–562]. Эта возможность базируется на том обстоятельстве, что дескрипция, примененная к определенному индивиду или объекту, может «прилипнуть» к нему в качестве прозвища (в этом случае соответствующий речевой акт оказывается чем-то вроде акта крещения). В частности, это происходит, когда у дескрипций, по выражению Стросона [10. Р. 338], «вырастают заглавные буквы» («Священная Римская империя», «Железная Маска», «Рыжий» – и т.п.). Детально эту концепцию разработала Ж. Марти [11, 12]. При этом Каплан и Марти принимают крипкеанскую трактовку собственного имени как ярлыка, лишённого какого бы то ни было дескриптивного содержания. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с еще более радикальной семантической трансформацией: дескрипция – выражение, существенным образом указывающее на свойства объекта, – превращается в собственное имя – выражение, исключающее указание на какие бы то ни было свойства.

На мой взгляд, эта теория содержит ряд слабостей, главная из которых состоит в том, что она не объясняет случаев, когда дескрипция употребляется референциально, но говорящий существенным образом использует ее предикативное содержание, т.е. стандартное семантическое значение. Иначе говоря, «за кадром» этой теории остаются случаи, когда дескрипция используется референциально, но без превращения в собственное имя. Детальную экспликацию этого возражения я планирую представить в одной из последующих публикаций; сейчас только отмечу, что эта теория, как и предыдущая, принимает специальное (и с прагматической точки зрения, опять же, необязательное) допущение, согласно которому дескрипция может использоваться не только как комплекс предикатов, но и как инструмент прямого указания.

Итак, обе рассмотренные семантические теории постулируют допущения, которые делают их менее экономичными, чем прагматическая теория Крипке. Очевидно, такого рода допущения необходимы для любой семантической теории, которая постулирует *семантическое превращение*: контекстуально обусловленный переход некоторого выражения из одной семантической категории в другую. Как мы видели, в теории Ветстейна дескрипции в некоторых контекстах превращаются в демонстративы, а в теории Каплана и Марти – в собственные имена.

В заключение еще раз подчеркну, что данный анализ – в силу его краткости и избирательности¹ – не претендует на решение контроверзы семантического и прагматического подходов к дистрикции Доннелана. Мой результат – гипотеза о предпочтительности прагматического подхода как более эконо-

¹ Я не ставил перед собой цели дать сколько-нибудь полный обзор существующих семантических концепций (см. краткий обзор в [13]). Теории Ветстейна и Каплана – Марти были выбраны как репрезентирующие существенную особенность большинства известных мне семантических теорий – постулирование семантического превращения. Отмечу также, что существуют семантические теории, опирающиеся на другие представления о предметной области семантики (например, [14]); их рассмотрение выходит за рамки данной статьи.

мичного – требует проверки посредством более обстоятельного анализа и более полного охвата репрезентативных теорий.

Литература

1. *Donnellan K.S.* Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. Vol. 75, № 3 (1966). P. 281–304.
2. *Russell B.* On Denoting // *Mind*. New Series. Vol. 14, № 56 (October, 1905). P. 479–493.
3. *Linsky L.* Reference and Referents // *Caton Ch.E.* (ed.) *Philosophy and Ordinary Language*. Urbana, Chicago, London, 1963. P. 74–89.
4. *Donnellan K.S.* Putting Humpty Dumpty Together Again // *The Philosophical Review*. Vol. 77, № 2 (1968). P. 203–215.
5. *Kaplan D.* Demonstratives. An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // *Almog J., Perry J., Wettstein H.* (eds.) *Themes from Kaplan*. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
6. *Kripke S.* Speaker's Reference and Semantic Reference // *Midwest Studies in Philosophy*, II (1977). P. 255–276.
7. *Wettstein H.K.* Demonstrative Reference and Definite Descriptions // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. Vol. 40, № 2 (1981). P. 241–257.
8. *Wettstein H.K.* The Semantic Significance of the Referential-Attributive Distinction // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. Vol. 44, № 2 (1983). P. 187–196.
9. *Borisov E.* How Do We Use Definite Descriptions to Express Singular Propositions? // *Problemos*. № 85 (2014). P. 130–140.
10. *Strawson P.F.* On Referring // *Mind*. New Series. Vol. 59, № 235 (1950). P. 320–344.
11. *Marti G.* The Essence of Genuine Reference // *Journal of Philosophical Logic*. Vol. 24, № 3 (Jun., 1995). P. 275–289.
12. *Marti G.* Direct Reference and Definite Descriptions // *dialectica*. Vol. 62, № 1 (2008). P. 43–57.
13. *Amaral F.S.* Definite Descriptions Are Ambiguous // *Analysis*, Vol. 68, № 4 (2008). P. 288–297.
14. *Capuano A.* From Having in Mind to Direct Reference // *Kabasenche W.P., O'Rourke M., Slater M.H.* (eds.) *Reference and Referring*. Cambridge, London: MIT, 2012. P. 189–208.

Borisov Evgeny V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
REFERENTIAL USE OF DEFINITE DESCRIPTIONS: SEMANTIC AND PRAGMATIC APPROACHES

Keywords: definite description, referential and attributive use, semantics, pragmatics, demonstrative, proper name

The phenomenal specificity of referential use of definite descriptions is explicated and a comparative analysis of semantic and pragmatic approaches to it is provided. The theory by H. Wettstein, assimilating definite descriptions to demonstratives, and the theory by D. Kaplan and G. Marti, assimilating definite descriptions to proper names, are analyzed as examples of the semantic approach. It is shown that both semantic theories make assumptions that are not necessary from the pragmatic point of view. The conclusion is that, *ceteris paribus*, the pragmatic approach is preferable for reasons of economy.

References

1. *Donnellan K.S.* Reference and Definite Descriptions. *The Philosophical Review*, 1966, vol. 75, no. 3, pp. 281–304.
2. *Russell B.* On Denoting. *Mind*. *New Series*, 1905, vol. 14, no. 56, pp. 479–493. DOI: 10.1093/mind/XIV.4.479
3. *Linsky L.* *Reference and Referents*. In: *Caton Ch.E.* (ed.) *Philosophy and Ordinary Language*. Urbana, Chicago, London, 1963, pp. 74–89.
4. *Donnellan K.S.* Putting Humpty Dumpty Together Again. *The Philosophical Review*, 1968, vol. 77, no. 2 (1968), pp. 203–215.

5. Kaplan D. *Demonstratives. An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals*. In: Almog J., Perry J., Wettstein H. (eds.) *Themes from Kaplan*. Oxford: Oxford University Press, 1989, pp. 481-563.
6. Kripke S. Speaker's Reference and Semantic Reference. *Midwest Studies in Philosophy*, 1977, II, pp. 255-276. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1977.tb00045.x
7. Wettstein H.K. Demonstrative Reference and Definite Descriptions. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, 1981, vol. 40, no. 2, pp. 241-257. DOI: 10.1007/BF00353794
8. Wettstein H.K. The Semantic Significance of the Referential-Attributive Distinction. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, 1983, vol. 44, no. 2, pp. 187-196. DOI: 10.1007/BF00354099
9. Borisov E. How Do We Use Definite Descriptions to Express Singular Propositions? *Problemos*, 2014, . no. 85, pp. 130-140.
10. Strawson P.F. On Referring. *Mind. New Series*, 1950, vol. 59, no. 235, pp. 320-344. DOI: 10.1093/mind/LIX.235.320
11. Marti G. The Essence of Genuine Reference. *Journal of Philosophical Logic*, 1995, vol. 24, no. 3, pp. 275-289.
12. Marti G. Direct Reference and Definite Descriptions. *Dialectica*, 2008, vol. 62, no. 1, pp. 43-57. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2008.01138.x
13. Amaral F.S. Definite Descriptions Are Ambiguous. *Analysis*, 2008, voll. 68, no. 4, pp. 288-297. DOI: 10.1111/j.1467-8284.2008.00755.x
14. Capuano A. *From Having in Mind to Direct Reference*. In: Kabasenche W.P., O'Rourke M., Slater M.H. (eds.) *Reference and Referring*. Cambridge, London: MIT, 2012, pp. 189-208.